

Angelika Łoboda

Сказочность романа *Доктор Живаго*
Змей – дракон. Змееборчество
(Bajkowa powieść „Doktor Żywago”. Wąż-Smok.)

STRESZCZENIE

Celem niniejszej pracy jest podkreślenie semantyki wody w kontekście mitu walki ze smokiem zawartej w powieści Borysa Pasternaka „Doktor Żywago”. W pracy przeplatają się proza oraz liryka Borysa Pasternaka. Artykuł opisuje motyw mitu walki ze smokiem, który został doskonale ujęty przez autora „Doktora Żywago”. Motyw ten bliski jest motywowi wody. Praca ta to przedstawienie głównych bohaterów powieści powiązanych z aspektem wody, wody żywej. W danym tekście motyw wody łączy się z motywiką walki dobra ze złem, z motywem twórczości oraz miłości.

Słowa kluczowe: „Doktor Żywago”, woda, „żywa” woda, święty Jerzy, walka ze smokiem, walka dobra ze złem

Słowa klucze: „ДОКТОР ЖИВАГО”, ВОДА, ВОДА „ЖИВАЯ”, ЗМЕЕБОРЧЕСТВО, ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ, БОРЬБА ДОБРА СО ЗЛОМ

Многие исследователи искали в романе сказочные мотивы. Они уверены, что на такое понимание жанра указывает много факторов. Мифологические метафоры, мотивы и сюжеты можно без проблем найти в *Докторе Живаго*. Одним из самых важных сказочных мотивов, включенных в роман, является мотив дракона¹. Я хочу обратить внимание на змеборческий сюжет, потому что он очень сильно связан с водой, с водным пространством мира романа.

Как пишет в своей книге Людмила Горелик:

Дракон – один из наиболее загадочных и противоречивых сказочных образов. Охранитель воды и границ. (...) в романе «змея многоголов, он охраняет необходимую для жизни воду» (Горелик 2011: 301).

В главе, развивающей наблюдения Александра Афанасьева (*Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк* – см. А. Афанасьев 1852; 144-194), рассмотрен фольклорно-мифологический образ змея, которому поверья приписывают обладание несметными богатствами и «живою водою», а также способность принимать человеческий облик и соблазнять женщин и девиц. Дворец змея, вращающийся на куриной или иной ноге, Афанасьев считает метафорой облака. В связи с этим я хочу привести начальный фрагмент романа, в котором мы чувствуем присутствие змея в облике огромной тучи. Это происходит во время похорон матери Юрия:

Летевшее навстречу **облако** стало хлестать его по рукам и лицу мокрыми плетями **холодного ливня** (7, в дальнейшем все цитаты из *Доктора Живаго* приводятся по этому изданию с указанием номера страницы; выделения в цитатах всюду мои – А. Л.).

Сильная струя ливневой воды – это здесь не только метеорологическое явление, но и знак болезненного разрыва с матерью: «Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал». В этом коротком эпизоде присутствует и слабость мальчика, и буйство стихии облачной воды, то есть хаоса. Можно сказать, что сильные осадки, сопровождающие смерть

---

¹ В стихотворениях Доктора Живаго дракон – одна из ипостасей *враждебности, вражьей силы*, которая имеет в романе и другие, самые разные проявления и персонализации: это и сама историческая действительность («неправда на русской земле»), и «лесное воинство», держащее доктора в плену, и «товарищи Антипов и Тиверзин», которые, по словам Комаровского, «точат зубы на Ларису Федоровну», и сам Комаровский, и воюющие за оврагом волки (...) (Суханова э.р.).

матери главного героя - это метафорический знак, предвещающий будущую борьбу Юрия со змеем.

Та же вода, которая является посредником между жизнью и смертью, границы которой защищаются драконом, сопровождает Юрия и в момент его собственной смерти. Смерти Живаго предшествует летний дождь с молнией и громом:

Сверкнула молния, раскатился гром. (...) первые крупные капли дождя упали на тротуар и мостовую, на даму (...) Вскоре на мостовую, очищенную только что дождем, ступил Живаго, сделал шаг, другой, третий, рухнул на камни и больше не вставал (с. 484).

В фольклоре указана связь змея с водой, колодцами, источниками, дождем. Приводятся подборки данных о змеях-стражах источников «живой воды», а также змеях (драконах), отравляющих или захватывающих колодцы (источники) и требующих человеческих жертв². Змей связан с водой такими мотивами, как: выход из реки; реки, как границы его царства; жертв, избранных по жребию часто приводят на берег реки или моря. Обычно змей – похититель, изводящий город поборами (часто – в виде девушек). В XX главе труда Афанасьева рассматривается также и змей – возбудитель любви.

Возвращаясь к мотиву любовной связи женщины со змеем, Афанасьев приводит его примеры из русских былин и преданий других народов. Близок легендарный и сказочный мотив змея-похитителя девушки (вновь сближается с демоном-похитителем небесных светил) и богатыря-змееборца, освобождающего её (здесь предания о Егории Храбром) (Юдин, э. р.).

---

² У Афанасьева описываются народные представления о том, что змеи любят пить и сосать молоко (огненные змеи сосут его непосредственно из женской груди или коровьего вымени). Этот образ ученый считает метафорой проливания дождевой влаги.

У Афанасьева в *Поэтических воззрениях славян на природу* змей характеризуется как опозитизированное представление грома, молнии и метеоров. Небесный змей мог символизировать и грозовую тучу. Однако же вместе с тем молнией называли и небесный огонь, поражающий змея-тучу, а дождь, соответственно, был кровью чудовища, проливающейся на землю: “Пролитая змеем и пожираемая землей кровь есть метафора дождя, который струится обильными потоками из тучи, разбитой ударами громовника” (Афанасьев 1994).

Все эти символы змея отражены в *Докторе Живаго*, как ассоциации змея с водой, так и любовная тематика, соединенная с водным мотивом. Все это будет детально показано ниже.

В своей работе мы сосредоточимся на второй книге романа, которая содержит уральские события. Владимир Пропп в своей книге *Исторические корни волшебной сказки* выделил следующие сказочные мотивы: «отправление в дорогу», «в ожидании встречи со змеем», «герой, царевна и дракон». Для того, чтобы подчеркнуть связь романа с волшебной сказкой стоит привести и сосредоточиться на одном из стихотворений Юрия Живаго, *Сказка*.

Стихотворения составляют 17-ю, финальную часть романа *Доктор Живаго*³. Не трудно заметить, что *Сказка* находится в самой середине, т.е., является под номером 13 среди двадцати пяти стихотворений. Она разделяет две категории текстов, составляющих весь стихотворный цикл. Как замечает Савелий Сендерович:

Одну составляют лирические стихотворения, ничем не отличающиеся от пастернаковской лирики вообще – очень личные, стилистически и поэтически сложные. Вторую – стихотворения, написанные по новозаветным мотивам (Сендерович 2002: 260).

Сложно определить жанр *Сказки*. Описанный в *Сказке* сказочный мотив борьбы героя со змеем и эпизоды из жития святого Георгия, включены в сюжетную композицию романа. Сендерович справедливо подчеркивает в своей книге:

У Пастернака возникает новый, романтический поворот. У него имеет место любовная тема, и любовная ситуация получает не сказочную, а лирическую трактовку. В духе свойственном лирике, она не имеет ни разрешения, ни завершения. Пастернаковская версия – это баллада (Сендерович 2002: 261).

История возникновения этой баллады описана в романе, а точнее в 14-ой части, 9-ой главе романа. Это период, когда Юра и Лара живут в Варыкине. Они там

---

³ На протяжении всей книги автор подчеркивает значение этих стихотворений для понимания как фабулы романа, так и характера главного героя. В начале мы читаем, что Живаго еще в свои студенческие годы писал стихи, отличавшиеся «энергией и оригинальностью». Много позднее следует рассказ о том, как в последние дни своей жизни с Ларой в Варыкине Живаго сочиняет некоторые из стихотворений, которые вошли в последнюю часть романа. И наконец, когда Живаго возвращается в Москву, его поэтические произведения печатаются частным образом и продаются в книжных магазинах города.

счастливы, живут как настоящая семья. По ночам герой становится поэтом, он пишет стихотворения. Ночью, перед тем как Живаго написал *Сказку*, волки, стоящие перед домом, выли и зажигали в сердце Юрия тёмные предчувствия. Сам Пастернак нас в этом утверждает:

Юрий Андреевич чувствовал (...) что час его расставания с Ларой близок, что он ее неминуемо потеряет, а вслед за ней и побуждение к жизни, а может быть и жизнь (434).

Проходит следующий день тяжелой работы, настоящей жизни в варькинской усадьбе. Живаго не может дождаться вечера, когда он сядет за письменный стол и выплечет всю свою боль на бумаге. Когда Лара уже спит, Юрий зажигает лампу и начинается его ночное бдение.

Волки, о которых он вспоминал весь день, уже не были волками на снегу под луною, но стали темой о волках, стали представлением вражьей силы, поставившей себе целью погубить доктора и Лару или выжить их из Варькина. Идея этой враждебности, развиваясь, достигла к вечеру такой силы, точно в Шутьме открылись следы допотопного страшилища и в овраге залег чудовищных размеров сказочный, жаждущий докторовой крови и алчущий Лары дракон (434).

На следующий день Юрий нашел, что строкам, которые он написал не хватает содержательной завязки. Итак, он начал излагать легенду о Егории Храбром и продолжал работу над ритмом:

Словам стало тесно в трехстопнике (...) предметы, едва названные на словах, стали не шутя вырисовываться в раме упоминания. Он услышал ход лошади, ступающей по поверхности стихотворения (...). Георгий Победоносец скакал на коне по необозримому пространству степи (435).

Стоит обратить внимание на ключевые мотивы *Сказки*. Георгий в славянских поверьях — это повелитель волков, защищающий от них людей и домашних животных (Аверинцев 1990: 146). Как замечает А.С. Власов,

«Егорий» должен был защитить героя и героиню романа не от сказочного чудовища, а от вполне реальных живых существ (волков «на снегу под луною»). И только потом, когда возникающая в результате абстрагирования и

гиперболизации «идея враждебности» воплощается в образе дракона, святой предстаёт в основной своей ипостаси и обретает «полное» агиографическое имя (Власов 2009: 273).

Связь змея с водным пространством очень выразительно показана в стихотворении, в котором змей является охранителем водной границы. Конный, не обращая внимания на призывы, на свое чутьё, приводит коня к ручью:

И глухой к призыву,
И не вняв чутью,
Свел коня с обрыва
Попить к ручью.

Ручей является «живой водой». Конный хотел освежиться, приобрести силу для дальнейшего пути. Вследствие этой задержки ему приходится бороться с драконом, защищающим воду.

Действительно, с описанием борьбы героя со змеем ассоциируется эпизод из жития св. Георгия.

И увидел конный,
И приник к копыю,
Голову дракона,
Хвост и чешую.

Пламенем из зева
Рассеивал он свет,
В три кольца вокруг девы
Обмотав хребет.

(...)

Посмотрел с мольбою
Всадник в высь небес
И копье для боя
Взял наперевес (523).

В конце концов дракон побежден, а перед глазами читателя появляется такая картина:
Конный в шлеме сбитом,

Сшибленный в бою.
Верный конь, копытом
Топчущий змею.

Конь и труп дракона
Рядом на песке.
В обмороке конный,
Дева в столбняке.

Следующий сказочный мотив, который совмещает мотивы дракона и воды - это «в ожидании встречи со змеем». Когда Юрий Живаго уезжает с семьей из Москвы на Урал – в город Юрятин, то в мотивно-семантической структуре романа эта перемена также сопровождается весенней «водой», потоками тающего снега, значимо уподобляемыми змеям (при этимологическом родстве слов «змея» – «змей»⁴).

Первое время снег подтаивал изнутри (...). воде было где разгуляться. Она летела вниз с отвесов, прудила пруды, разливалась вширь. По лесу **змеями расползались потоки.** (...)

Над лесом плыли низкие войлочные тучи с отвисающими краями, через которые скачками низвергались теплые, землей и потом **пахнувшие ливни**, смывавшие с земли последние куски пробитой черной ледяной брони (232-233).

Вблизи Юрятина Юрий слышит шум водопада. Водопад как живая вода, все время стремительно падающая, бегущая, никогда не останавливающаяся:

Он [водопад] раздвигал границы белой ночи **веяньем свежести и воли**. Он внушил доктору **чувство счастья** во сне. Постоянный, никогда не прекращающийся шум его водяного обвала царил над всеми звуками и придавал им обманчивую видимость тишины (234).

---

⁴ слвц. zmiја наряду с чеш. zmek «дракон», польск. żmija, żmij - «змей», «змея» (Фасмер 100).

Этот шум погружает Юрия в необыкновенно глубокий сон⁵. Его жена, Тоня, говорит ему:

Бывает муха пролетит, ты проснешься и до утра глаз не сомкнешь, а тут шум, споры, переполох, а тебя не добудиться (236).

С помощью этого фрагмента хочу доказать, что у Пастернака змей неотделим от проточной (живой) воды. Все происходит согласно схеме сказки. Сон, который напоминает длительное забытие, касается также героя волшебной сказки перед встречей с драконом. Свою интерпретацию параллели между водопадом и змеем дала Людмила Горелик, опираясь на риторичность описания водопада у Пастернака -

Он (водопад) был страшен в этой единственности, **превращавшей его в нечто одаренное жизнью и сознанием, в сказочного дракона или змея - полоза этих мест, собиравшего с них дань и опустошавшего окрестность** (237).

Сравним:

Края населенье
Хижины свои
Выкупало пеней
Этой от змеи. (...)

Получив на муку
В жертву эту дань.

Пастернак включил легенду о св. Георгии не в полной версии, то есть, заключение стихотворения здесь совершенно оригинальное, авторское. Дмитрий Оболенский в своей статье отметил:

---

⁵ Сны в *Докторе Живаго* хорошо отражают то, что происходит во внутренней жизни героя, как заметила это Людмила Горелик:

Сон – обморок, сон – столбняк в стихотворении – забытие, временное пребывание в царстве смерти, которое, однако, сулит возрождение. Это временная смерть перед новым боем. Дракон повержен, конь мертв, но герой в состоянии временной смерти и готовится к повторению подвига. В такой сон, заставляющий забыть «на каком он свете» (462), впадает Юрий в конце части «Опять в Варькине». Сон Юрия после встречи с Антиповым знаменует окончательное размежевание этих двойников. Ночь, когда Юрий просыпается лишь на миг от выстрела и вновь засыпает крепким богатырским сном, подводит итог жизненному выбору каждого из них. Смерть Павла, выбранная им самым, окончательна и бесповоротна. Сон Юрия, как в написанном им стихотворении, - прелюдия к вновь повторяющемуся подвигу (Горелик 2011: 320).

Пастернак опускает занавес на сцену боя между св. Георгием и драконом прежде, чем прольется первая кровь. Когда он вновь поднимает занавес, прошли века, дракон мертвым лежит, а всадник и дева между жизнью и смертью: первый, сброшенный с коня в бою с чудовищем, еще без сознания, дева «в столбняке». Исход боя за спасение девы, продолжающегося целые столетия, остается таким образом под сомнением (Оболенский 1962: 108-109).

Это может обозначать, что древняя легенда превращается в аллегория. Аллегория борьбы добра со злом, язычества с христианством, борьбы за свободу России. Это тоже представление вечности, времени, которое подобно водопаду, его непрерывности.

Особое звучание теме стремительно текущего времени придает мотив сна. Связка создается паронимическим созвучием «вэки—векá» в 1-м и 4-м стихах 18-й строфы и затем, в 20-й—24-й строфах, закрепляется уже на фабульном уровне. Градационный контекстуально-синонимический ряд «обморок—столбняк—сон—забытье—упадок [сил]» отражает динамику изменений состояния — физического и душевного — героев стихотворения, «конного» и царевны (Власов 2009).

Важно подчеркнуть, что имени у воина нет. Это, наверняка, не случайно. Используется либо субстантив «конный», который лишь в одном случае (2-й стих 17-й строфы) заменяется синонимичным существительным «всадник», либо местоимение «он». На этот факт особое внимание обратили многие литературоведы, например, упомянутый выше Власов. По его мнению, на роль «конного» подходит как Юрий Живаго, так и Павел Антипов. Они антиподы и одновременно двойники⁶.

Живаго врач и поэт, Антипов воин и деятель, оба любят Москву, Родину, Лару и оба проигрывают Комаровскому, который увозит Лару, а без нее погибает и Антипов, и Живаго (Сиротенко 1990: 54).

Итак:

---

⁶ Стрельников и Живаго сходятся в главном — в неприятии зла (хотя представления о зле и, соответственно, о путях борьбы со злом у них совсем не одинаковые) (Власов 2009: 204).

Юрий Живаго⁷ – поэт, уподобляет себя не святому великомученику⁸, а созданному им самим безымянному лирическому герою, одержавшему победу в неравной схватке, но так и не сумевшему после этого «очнуться», сбросить оцепенение (Власов 2009: 203).

Юрий Андреевич⁹ Живаго – врач, хранитель жизни, её оберегатель, защитник. В романе олицетворением жизни, любви, России является Лара. Доктор хочет спасти Лару от Комаровского, от воплощения всего ему противоположного. В отношениях Юрия и Ларисы текущая/бегущая вода (дождь) прямо связывается со стихией любви. Ким Юн-Ран заметил, что, например, после долгой разлуки Живаго и Лара встречаются в Юрятине около колодца¹⁰:

Когда облако рассеялось, доктор увидел Антипову у колодца. Вихрь застиг ее с уже набранной водой в обоих ведрах, с коромыслом на левом плече (с. 291).

---

⁷ В своей статье посвященной роману Бориса Пастернака, а особенно роли названия героев Г.А. Ветушкина пишет так:

Имя героя Юрий (Георгий) - в переводе с греческого «земледелец», т.е. человек близкий к земле, крепко на ней стоящий, занимающийся ее возделыванием. Для Пастернака это очень важно, т.к., согласно его убеждениям, земля – начало, дающее Жизнь, начало, над которым смерть не властна. Земледелец здесь – человек, живущий по законам земли, т.е. Жизни. Тожество «земля – Жизнь» – одна из основных мифологем романа. Подтверждением подобного толкования имени главного героя выступает в романе его отношение к земле, то благоговение перед ней, которое он отражает в своем дневнике в Варькино (Ветушкина э.р.):

Какое счастье работать на себя и семью с зари до зари, сооружать кров, возделывать землю в заботе о пропитании, создавать свой мир, подобно Робинзону, подражая Творцу в сотворении вселенной, вслед за родной матерью производя себя вновь и вновь на свет! (373).

⁸ Следует иметь в виду, Георгий Победоносец – это не alter ego Юрия Живаго. В качестве его святого покровителя, имя которого он носит, Георгий может быть лишь его идеальным прообразом (Сендерович 2002: 264).

⁹ Фамилия героя ассоциирует его с образом «Бога Живаго», т. е. Христа; словосочетание «Доктор Живаго» может быть прочитано как "исцеляющий все живущее". Имя Юрий перекликается с обоими основными топонимами романа — Москвой (стоит обратить внимание на коннотации Георгий — Юрий) и Юрятинем. Можно также искать ассоциации со словами «Юрий» — «юродивый». Существенно и значение отчества: Андрей — «человек», Андреевич — «сын человеческий».

¹⁰ Ким Юн-Ран в своей статье отмечает параллельную ситуацию в Библии. Ситуации с важными, избранными людьми происходят тоже у колодца.

Например:

Исаак и Абимелек клянутся у колодца (Бытие 26: 26-33). Из библейских персонажей тесно связан с водой Моисей. Его имя означает «вытащить из воды». Любопытно, что Моисей и его жена знакомятся у колодца (Исход 2: 16-22) (Ким Юн-Ран 1998: 204).

Желая убедить читателя романа в том, что Лара сильно связывается со стихией любви посредством воды, Ким Юн-Ран пишет:

В земном существовании дождь наряду с солнцем является жизнедателем, отражением «божественной любви к миру». Неслучайно в романе вода, дождь, море вводятся в стихию любви, соединяясь с главным образом героини Лары. В Ларисе заключена сама сущность воды (Ким Юн-Ран 1998:204).

К сожалению, у Юрия (Георгия) не получилось спасение Лары. Комаровский, сопровождаемый волчьим воем, приезжает к ним в Варыкино и увозит Лару в Приморье. Это, действительно как в сказке, в которой неожиданно является змей и уводит царевну к морю (ср. Горелик 2011: 316).

На роль Георгия Победоносца подходит также Павел Антипов (Стрельников), который спасает Лару от Комаровского – символа зла и воплощения пошлости, тоже варьирующего змея.

Паша (...) любил ее до безумия и во всем слушался (76).

Лара сама говорит Павлу, что она беспокойна, что она в опасности:

Если ты меня любишь и хочешь удержать меня от гибели, не надо откладывать, давай обвенчаемся скорее (80).

Павел и Лара Антиповы переселились. Они жили в Юрятине, городе, который стоял на большой **судоходной реке Рыньве**, «реке распахнутой настезь»¹¹.

---

¹¹ В центре пожелтевшей бумажной обложки черновой карандашной рукописи крупно написано "Р_ы_н_ь_в_а" - упоминаемое во второй книге "Доктора Живаго" название "знаменитой судоходной реки", на которой стоит город Юрятин. Название это, в географии неизвестное, образовано Пастернаком, хорошо знакомым с уральской топонимикой, по типу реально существующих местных гидронимов (реки Вильва, Иньва и др.), но, на первый взгляд кажется непонятным, что, помимо колоритного звучания, побудило его избрать это слово в качестве заглавия романа о бессмертии. К ответу приводит нас контекст, в котором упоминается Рыньва уже в «Начале прозы 36 года»: «Это была Рыньва в своих верховьях. Она выходила с севера вся разом, как бы в сознании своего речного имени...» «Речное имя» Рыньвы составлено Пастернаком из наречия "рын" (настежь), встречающегося в одном из диалектов языка коми, и существительного "ва" (вода, река) и может быть переведено как "река, распахнутая настезь" (**). Наделенная атрибутами одушевленности ("сознанием", "созерцанием" и т. д.) Рыньва - "живая река", или, метафорически, "река жизни", и текущая в ней вода, конечно, та же самая, что "со Страстного четверга вплоть до Страстной субботы... буравит берега и вьет водовороты" в стихотворении Юрия Живаго ("На Страстной"). Это река жизни, текущая в бессмертии. В рукописи это заглавие решительно перечеркнуто - по-видимому, Пастернак отказался от него из-за сложности ассоциативных ходов, требующихся для его адекватного понимания (Борисов э.р.).

Как было уже упомянуто раньше, Антипов выбрал другой жизненный путь, чем Живаго. Он уехал на фронт и оставил жену с ребенком в Юртыне, а сам вступил в партизаны. Таким образом он хотел защитить свою любимую Ларису - олицетворение Родины. В конце концов он совершил самоубийство:

Но мне казалось – еще не вся свобода завоевана. Вот я ее сначала добуду, и тогда я весь принадлежу им (Ларе и Кате – *А. Л.*) (457).

Юрий нашел его тело, когда шёл за водою:

Взял ведро и пошел к колодцу за водою. Недалеко лежал застрелившийся Павел Павлович. Снег под его левым виском сбился красным комком, вымокши в луже натекшей крови (458).

Когда в романе появляется Комаровский¹², его всегда сопровождает «**мертвая вода**», то есть, **снег**¹³.

---

¹² На тему Комаровского так высказывается Суханова:

Этот персонаж, обладающий странной способностью в отличие от других действующих лиц романа не стареть и не умирать, но передаваться в качестве злого гения от родителей к детям, вызывает, таким образом, ассоциации с дьяволом. Заметим, что *дракон, змей, змея* – в христианской традиции – олицетворение дьявола («<...> великий дракон, древний змий, называемый «дьяволом» и «сатаною», обольщающий всю вселенную (...)» (Ап. 12: 9). С такой же семантикой связаны слова «враждебность», «вражья сила»: старославянское «врагъ» – «дьявол, черт, нечистый» (Суханова – э. р.).

¹³ В 15 стихотворении из цикла Стихотворения Юрия Живаго, *Зимняя ночь*, снег сочетается с потерей:

**Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
(...)
И все терялось в снежной мгле
Седой и белой (526).**

В последнем собрании стихотворений Пастернака *Когда разгуляется* (1956-1959) снег показан как смерть:

Я наверно неправ, я ошибся,
Я ослеп, я лишился ума.
**Белой женщиной мертвой из гипса
Наземь падает навзничь зима.**

Небо сверху любит лепкой
**Мертвых, крепко придавленных век.
Все в снегу, двор и каждая щепка
И на дереве каждый побег (Франк 1962: 246).**

Установилась зима. **Валил снег крупными хлопьями.** (...)

Комаровский пришел из декабрьской темноты весь осыпанный валившим на улице снегом (412-413).

Комаровский – воплощение всего враждебного Юрию Живаго. Само имя Комаровского находит свое значение в ассоциации по смежности комара и мухи (Сендерович 2002:266). Комар – кровосос – чудовище мелкого пошиба, по – пастернаковски бытовая версия мифологического монстра. Как всем известно, комары любят водное пространство и обычно там их огромное количество. Там их стихия. Итак, имя «Комаровский» может убедить нас в том, что он по своей функции в семантической структуре романа – змей.

На протяжении всего романа он выступает в роли змея. Мы узнаем, какую роковую роль он сыграл в жизни Лары:

Тем временем между девушкой и мужчиной происходила немая сцена. Они не сказали друг другу ни слова, и только обменивались взглядами. Но взаимное понимание их было пугающе волшебным, словно он был кукольником, а она послушно движением его руки марионеткой (74).

Комаровский приезжает к Юрию и Ларе в Варыкино и предлагает ей бежать с ним. С помощью лжи уговаривает Юрия согласиться на это. Тот, надеясь на то, что спасет жизнь своей любимой (которая является воплощением России, любви, свободы, олицетворением «живой воды») отдает ему её¹⁴.

Какая-то роковая вина преследует Юрия:

Что я наделал? Отдал, отрекся, уступил! (444)

---

¹⁴ В работе под заглавием: *Мифология имени героя в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»*

Ветушкина правильно подчеркивает:

Но, несмотря на то что Комаровский увозит Лару от Живаго, Юрий Андреевич все же побеждает его своей любовью, творчеством, смертью, своим воскресением в поэзии. Верный знак этой победы – финал стихотворения «Сказка» и заключительная страница Эпилога, которые буквально пронизывают дух надежды на светлое будущее (Ветушкина, э.р.).

Bibliografia

- Афанасьев А. Н., *Поэтические воззрения славян на природу*. Москва 1994, т. 2.
- Афанасьев А.Н., <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st019.shtml>, дата доступа: 18.05.2012.
- Ветушкина Г.А., *Мифология имени героя в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»* [w:] сайт: http://zarliterature.ucoz.ru/publ/vetoshkina_g_a/mifologija_imeni_geroja_v_romane_b_pasternaka_doktor_zhivago/6-1-0-30, дата доступа: 30.05.2012.
- Власов А. С., *Предвестие свободы (О стихотворении Б. Пастернака „Сказка” в контексте романа „Доктор Живаго”)* [w:] // *Духовно-нравственные основы русской литературы*: Сб. науч. статей. Кострома 2009. С. 270—275.
- Горелик Л. Л., *Миф и творчество в прозе и стихах Бориса Пастернака*, Москва 2011.
- Ким Юн-Ран, *Вода в романе „ Доктор Живаго” Б. Пастернака*, Москва 1998.
- Оболенский Д. Д., *Стихи доктора Живаго* [w:] // Сборник статей посвященных творчеству Б. Л. Пастернака, Мюнхен 1962.
- Пастернак Б. Л., *Собрание сочинений в пяти томах, Доктор Живаго*, т.3, Москва 1990.
- Сендерович С., *Георгий Победоносец в русской культуре*, Москва 2002.
- Сиротенко Л.В., *Миф и фольклор в романе Б. Л.Пастернака „Доктор Живаго”* [w:] *Пастернаковские чтения. Материалы межвузовской конференции*, Пермь 1990.
- Суханова И.А., сайт: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/25_3/, дата доступа: 10.05.2012.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1986.
- Франк В.С., *Водяной знак (Поэтическое мировоззрение Пастернака)* [w:] *Сборник статей посвященных творчеству Б.Л.Пастернака*, Мюнхен 1962.
- Юдин А. В., сайт: <http://www.ruthenia.ru/folklore/judin5.htm>, дата доступа: 01.05.2012.